

КОНСТАНТИН ФЕДИН

1

олько в большой работе можно по достоинству оценить Алексея Толстого как русского писателя. Такие работы будут сделаны не раз нашей критикой, и особенно историками советской литературы.

Сейчас, когда прах необычайно живого и блестящего человека и еще более живого, еще более блестящего художника только что с почестями опущен в землю, можно сказать лишь от глубины пораненного чувства: потеря, которую мы несем, вознаградима!

Среди самых передовых писателей русской литературы советского периода Толстой был индивидуальностью ярчайшей и талантом слепительным. Он не повторял ничего ни в чем и одновременно был тонко ощутимой связью с неумирающим нашим наследием XIX века. Золотая нить, которую он тянул из прошлого, нежнейшими волосками своими уводила к Тургеневу, Аксакову, Лермонтову, Пушкину.

Качества его дара разнообразны, но одно из них бросается прежде других в глаза: это художник весенней жизнерадостности. Все в нем сияет отражениями солнца, все омыто первым грибным дождем, все наполнено голо-сом иволги — птицы, любящей только вершины деревьев.

Да, Толстой давал немало картин грозных, жестоких, кровавых. Но все они отступали перед его упоением жизнью, перед его неповторимой лирикой, перед его любовью к смеху. Да, он бывал гневен и в гнев своем груб — как же еще мог он говорить о врагах обожаемой им России? Но вряд ли кто другой нашел такие оттенки почтения и ласки в словах о самом драгоценном на свете — о русском человеке и о родине.

Воспоминания могли бы слишком далеко меня увести — на десять, двадцать лет и больше. Но вот я вижу Толстого осенью 1941 года, в суровые дни бомбежек Москвы. Как он тогда говорил о нашей военной мощи, о народной силе, о резервах, копившихся в глубинах Сибири!

— Две вещи скажутся в этой войне, увидишь: величие советской исторической стратегии и ожесточение народа. Страшен русский человек в ожесточении, страшен! Лихо придется немцу, ой, лихо!..

Уверенность свою в победе и какой-то особый, толстовский, веселый оптимизм он черпал в знании народа и его истории. Пожалуй, именно история упрочила, установила господство положительных, оптимистических прогнозов во всей его военной публицистике, что совершенно естественно отвечало его природной радости жизни.

«Петром Первым» он своими мастерскими руками сложил себе великолепный памятник. В плеяде исторических романистов, создавших совершенно новую советскую полосу в этом искусстве, Толстой останется крупнейшей звездой. Он нашел драгоценный ключ к трудному жан-

ру: он наделил бесчисленные персонажи нам совершенно понятными и нами ощутимыми чертами, поэтому мы переживаем историю, преподанную Толстым, так, как будто сами участвовали в ней.

Эта магия, конечно, возможна только под рукой огромного таланта.

А талант Толстого иначе назвать нельзя. При редкой плодовитости, при работоспособности, которая заслужила, чтобы о ней было рассказано особо, Толстой проявил свой дар воображения и сочинительства в стихах, в комедии, в романе историческом, фантастическом, бытовом, приключенческом, в киносценарии, в детских рассказах, в сказках, в повести и новелле, в публицистике.

Сила воздействия лучших книг Толстого испытана почти четырьмя десятилетиями, на протяжении которых он не терял своих читателей, а вел за собою, легко, как будто шутя увеличивая их громадное число.

Можно без ошибки предсказать, что среди этих книг есть одна, которую будут искать в библиотеках наши дети и внуки, как ищут ее наши современники. Это «Хождение по мукам». Мне кажется, пока это лучшая у нас трилогия о гражданской войне с заглавным чудесным русским романом — «Сестры», где Толстой раскрыл все свое обаятельное умение описать счастье и бездумную радость бытия и передать ощущение народной бури, исторических гроз.

Из русских писателей Толстой на редкость выделяется чувственным обожанием жизни. Мысль его героев действует чаще всего своею положительной стороной, утверждением великого смысла существования — счастья человека, счастья народа.

Здесь в Толстом-писателе проявилась та завидная гармония, в какой он жил как человек. Связь его с миром отвечала жадности его к познанию и ощущению мира. С кем только не сталкивался, не общался, не дружил Толстой, утоляя свою жажду к человеку? Кого не наблюдал, не исследовал его прищуренный глаз? И кто не испытывал удовольствия от освежающих, насыщенных остроумием встреч с Толстым? Крупнейшие советские политики и писатели, прославленные авиаторы и ученые, бойцы и генералы Красной Армии, художники, актеры — кто не смеялся, слушая толстовский артистический рассказ? Кто

из иностранцев — в том числе виднейших, как президент Бенеш, как Герберт Уэллс и многие другие, — не составил себе представления о советском писателе по незабываемому образу Алексея Толстого?

Этот образ живет в глубокой памяти современников и друзей Толстого. Перейдя в самое дыхание, в веселое сердце толстовских книг, он живет в памяти неисчислимых читателей художника. Живет и будет жить. Такова его природа.

2

Алексей Николаевич Толстой принадлежит к тем талантам, которые не могут быть позабыты. Память современника сохраняет такие таланты как неповторимое сочетание жизненного облика с творческой силой. Память истории хранит к ним признательность за богатство их наследия.

В литературной биографии Толстого чрезвычайно важен тот факт, что он начинал свою работу в пору декаданса, модернизма и пережил бесспорные влияния этого отравляющего течения, но затем отбросил эти влияния, бесповоротно и прочно связав свою писательскую судьбу с реализмом. Это открыло и облегчило ему возможность дальнейшего перехода к советскому искусству социального реализма.

Чутым истинного художника и чувством гражданина Толстой очень скоро различил, на чьей стороне правда в исторической борьбе и где зарождается, откуда льется ветер будущего.

В Великую Отечественную войну голос Алексея Толстого был слышен и в Советской Армии, и в любом углу нашего отечества и далеко за его рубежами. Это сделала публицистика Толстого, а то, что он обратился в годы войны к публицистике, надо считать не только фактом литературной его биографии, но и шагом его гражданского поведения.

Работая необычайно плодovито почти во всех литературных жанрах, Толстой прежде никогда серьезно не брался за перо публициста. Он не любил статей. Он был слишком поэтом, чтобы увлечься делом журналиста. Но пришел час, когда романист, рассказчик и обаятельный сказочник почувствовал, что ему недостает оружия, ко-

горое быстро, действенно, целеустремленно разило бы врага, призывало б волю сограждан к единству в освободительной борьбе. Толстой увидел, что таким оружием в его искуснейших руках может быть статья, и он со всей страстью отдался новому делу.

Отражалось ли это мужество гражданского поведения Толстого на творческих силах художника? Да, отражалось. Оно увеличивало их.

Алексей Толстой, каким его приняла в свои богатейшие владения история литературы нашего народа, каким мы его знаем, стал самим собою в советский период. Книги его о Заволжье и первые пьесы полны поэзии, юмора, меткой наблюдательности и бытовых характеристик. Но широта эпического дара, талант живописца слова, искусство монументальное и пышное — все это раскрыто Толстым в трех главных памятниках его труда: в «Петре Первом», в «Хождении по мукам» и в дилогии об Иване Грозном. Все они созданы в наши дни. Участие в общественной жизни страны, участие в патриотической военной работе не заглушило толстовской музыки, а придало ее голосу полноту, раздвинуло в глубину и вверх ее поэтический диапазон.

Работа Алексея Толстого над материалом русской истории имеет важное значение для советской художественной литературы. Краски прошлого увлекали художника не как самоцель.

Как складывался народный характер в годину испытаний, когда Русь Ивана Четвертого отстаивала свое право на независимость от Востока и Запада или когда Русь становилась Россией Петра Первого? Вот в каком направлении шли поиски А. Толстого. В живом образе человека давних времен художник показал нам огни России, никогда не угасавшие.

Вера в жизнь, мечта о ее справедливом устройстве ради счастья человечества сближают Алексея Толстого с классическими нашими писателями XIX века и одновременно ярко наделяют его характерной чертой советской литературы. Романтика является как бы дыханием главных героев «Хождения по мукам».

Великолепно Алексей Толстой сочетал изображение русского человека с эпическими картинами народной жизни, скромную мечту о личном счастье с дерзкой

мечтой народа о лучшей доле, о правде, о величии человека.

Много говорилось и со временем еще больше будет говориться об особой магии толстовского дарования, о покоряющей увлекательности его рассказа. Искусство писателя в конце концов определяется его стилем, а стиль — это прежде всего язык. О языке Алексея Толстого лучше всех сказал он сам!

«Русский язык — один из наиболее магических языков потому, что он ближе, чем все другие европейские языки, к разговорной речи. В русской литературе были уклоны, когда литературный язык уходил от народной речи в некую искусственную форму. Иные писатели переносили на русскую почву французскую форму, галантную, прекрасно сделанную литературную фразу, и недаром так боролся с этим Лев Толстой, который, ломая все, обнажая правду, добивался вот этой самой магической силы слова. Русский язык — это прежде всего Пушкин — нерушимый причал русского языка. Это Лермонтов, Лев Толстой, Лесков, Чехов, Горький».

Перечисление этих имен выражает с большой точностью Алексея Толстого — художника. За языком великой плеяды XIX века, от Пушкина до Горького, стоит не только мастерство, не только эстетика, обнимающая огромный период нашей литературы, от романтиков до социалистического реализма, — за языком этих классиков стоит их отношение к миру и прежде всего неисчерпаемая вера в победоносную будущность нашего народа.

Горький любовался полнокровием, силой и оптимистичным, веселым талантом Толстого. Толстой смотрел на Горького как на учителя высокочеловечного жизнеутверждения.

Толстой перебросил прямой мост от наследия русской классической литературы к литературе советской, которой отдал все свое пылкое творческое вдохновение.

3

Когда мы отмечаем дни памяти Алексея Толстого в нашей стране, богатой талантами, сверкающей именами крупных индивидуальностей во всех областях челове-

ского духа,— эти дни нельзя чувствовать, нельзя назвать иначе как праздничными.

Родился, пришел в нашу жизнь поэт многостороннего, полнокровного дара, человек щедрой и вольной души, художник чуткого слуха и точного зрения.

Кто имел счастье близко знать Алексея Толстого, быть его другом, тот знает, насколько полно Толстой-человек отразил себя в творческом зеркале Толстого-художника.

Он был фантастом и сказочником, был рассудительным историком и вдумчивым наблюдателем жизни, был тружеником и весельчаком, был лириком и обожал эпос, обожал все большое, крупное, монументальное, гигантское, страстно любил здоровье, силу, мощь, остро схватывал трагическое и, как никто другой, с жадностью искал и постоянно находил смешное. Но самое замечательное в нем то, что все эти разноцветные качества его поэтической натуры всегда освещаются в нем чудесным светом русского художника-реалиста.

Он и в сказках своих, и в изумительной «Аэлите» — произведении, которое хочется назвать фантазией-памфлетом,— стоит обеими ногами на любимой земле. Придуманные происшествия на Марсе написаны Толстым с такой земной реальностью, как будто дело происходит у обмерзшего колодца в заволжской усадьбе, где протекало мечтательное и такое вещественное «Детство Никиты».

Как был бы нынче счастлив Алексей Толстой, когда — по его выразительному слову — наш «чертовски талантливый» народ, поистине крепко стоя обеими ногами на прославленной советской земле, метнул в космос, подобно некоему гомеровскому богу, руками человека сотворенные спутники нашей планеты. Алексей Толстой и сейчас нашел бы свое волшебное-реальное слово, дабы его цементом скрепить вчерашнюю мечту человека с нынешним бесстрашием нашей могучей действительности.

Мне кажется, дорога писателя помечена в творчестве Алексея Толстого этими вехами от мечты к действительности.

Он шел поступью искателя, от одной вехи к другой, порывисто, страстно, иногда необъяснимо неровно, почти

прыжками — то быстро продвигаясь вперед, то словно отвлекаясь в стороны или отступая.

Но если просмотреть всю дорогу его от дореволюционных стихов, сказок, прекрасных повестей о Заволжье, ранних комедий до исторической монументальной прозы, которой он создал себе памятник, то Алексей Толстой предстает перед современностью писателем стройной высоты. Идти по следам его литературной биографии — значит прежде всего думать вместе с ним о судьбе русского народа на больших перевалах истории. Тут его главная, трепещущая жизнью тема. Тут он становится певцом революции, современником ее не по календарю, а по всему кипучему кровному устремлению писателя к участию в освободительной борьбе за справедливый, честный мир трудового народа.

Толстой не остановился на одном зове к дымным грезам о «Голубых городах». Писательский труд сделался для него жестоким и вдохновенным отвоевыванием живых, простых городов у прошлого ради будущего, у власти контрреволюции для власти Советов.

Социализм в большой прозе Алексея Толстого — это мечта, претворяемая в реальность практикой нового общественного строя. Так в величественно-массивном романе о потерянной и возвращенной родине — «Хождение по мукам» — художник приводит своих героев к перспективе ленинского реализма: к сотворению света и энергии, которое нынче стало действительностью советского народа.

Все в нашей стране прошло свое новое рождение после Великого Октября. Писатель, связанный духом и телом со своей страной, рождается вместе с ней к новой жизни. Алексей Толстой — русский реалист, наследовавший искусство Аксакова, Тургенева, — выступил из этих рамок наследия, поднимаясь со своим временем. Его время — эпоха социализма. Его искусство делается оружием, какого требует время. Его реализм становится реализмом социалистическим.

Тот, кто читает послеоктябрьского Алексея Толстого, слышит в его книгах биение жаркого пульса советской современности, распрямившей писателя во весь его огромный рост.

Даже в кратчайших заметках об Алексее Толстом

нельзя не сказать о драгоценнейшем кладе, для нас раскопанном его талантом в неисчерпаемых недрах русской речи. Слово для Алексея Толстого всю жизнь было любимой, могущественной стихией, которой он отдавался с огнем и восторгом сердца. Его чутье к родному языку, его познания и — я сказал бы — его инстинкт русской речи были пьянительны. Тут он, человек, так умевший ценить в жизни счастье, был счастлив до конца. И мы, советские писатели и все любящие слово, обладаем этим особым кладом толстовской художественной речи в его книгах и тоже счастливы за него и за самих себя.

Спасибо ему, нашему истинно большому писателю, спасибо Алексею Толстому за меткое, умное, точное, жарко-красивое русское слово!

Во «влиятельнейшей литературе мира», как назвал советскую литературу Алексей Максимович Горький, Алексей Толстой занимает место в первых креслах. Его популярность за рубежом Советского Союза идет сейчас же вослед великой славе Горького. Мы можем сказать кратко: гордимся этим, и так это должно быть и будет впредь.

Уже который год Алексея Николаевича нет с нами. Но каждый раз, когда вспоминаешь его, кажется — он и не думал от нас уходить: настолько он впечатлел себя в нашей душе, и стоит взять в руки любую его книгу, как за строками ее слышишь его голос, ощущаешь его поражающий своей лепкой язык — и вот он весь рядом — сидит, большой, плотный, свободный, и, прищуриваясь, улыбается тебе, и вдруг коротким, пущенным через нос толчком смеха оборвет тебя на полуслове...

Он жив, наш товарищ, наш друг Алексей Толстой... Бурный мир красок, созданный им, удивительно живописен. Этот мир и самому автору доставлял наслаждение, он манит к себе и читателя, чувствующего, с какой молодой легкостью Толстой отбрасывает прочь от себя печаль и уродства ожившей действительности. Самобытное явление, Толстой вспыхнул снопом лучей в самом начале большого пути советского искусства и не угас, а продолжает радостно светить нам в нашем непрерывном труде.

1945—1958